

БИБЛИОГРАФИЯ ВОСТОКА

Выпуск 8—9

(1935)

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
АКАДЕМИИ НАУК СССР

1956

МОСКВА • ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР • ЛЕНИНГРАД

धर्म—संबंधी चले । आवुस सारिपुत्र! इमप्रकारके भिन्नुसे°

(Стр. 131 перевода.)

Чтение книги облегчено и тем, что многочисленные и часто многословные повторения в оригинальном тексте Majjhima Nikāya выпущены и заменены условным знаком с ссылкой, на какой странице выпущенное место встречается в первый раз.

Переводу предпослан краткий очерк, в котором Samkṛityāyan устанавливает границы Madhya Maṇḍal, — территории, где проповедывал Будда. Границы установлены, согласно данным, имеющимся в начальной фразе каждой сутры: «Однажды божественный проповедывал в...» Кроме этого переводчик использовал Buddhacaryā и все сутры Tripiṭaka.

Установив границы Madhya Maṇḍal, R. Samkṛityāyan останавливается на описании государственных образований на этой территории в V в. до н. э., и на основании данных, содержащихся в Buddhacaryā, дает краткую историю царских фамилий, царств Magadha, Kosala и Licchavi.

Предисловие посвящено изложению принципов буддизма.

Книга снабжена картой Madhya Maṇḍal в V в. до н. э., индексами притч, имен и терминологическим словарем. Несмотря на невысокую цену (6 рупий), перевод отлично издан. — Тираж 1500 экз.

В. Бескровный.

Haenisch, Erich. Weiterer Beitrag zur mongolischen Volkssprache. Mitteilungen des Seminars für Orientalische Sprachen zu Berlin. Jahrgang XXXVI. Abteilung I. Ostasiatische Studien. Berlin, 1933, 8°, стр. 63—76.

Настоящая работа является продолжением опубликованной в 1925 г. статьи на ту же тему. Таким образом, между началом ее и ныне вышедшей в свет частью лежит промежуток в восемь лет. Эти восемь лет дали монголистике чрезвычайно много: появились многочисленные сборники записей текстов на различных монгольских языках, грамматики, диалектологические исследования, словари и т. д. Достаточно упомянуть капитальную сравнительную грамматику халхаского языка и языка монгольской письменности Б. Я. Владимирцова, являющуюся одним из основных трудов, и притом в отношении ряда вопросов трудом, на который придется ориентироваться еще многие годы.

Первая работа проф. Haenisch на тему о живом халха-монгольском языке оказалась мало удовлетворяющей даже самым скромным требованиям, какие можно предъявить к работам, претендующим быть лингвистическими. Учитывая малую разработанность ряда вопросов монгольского языкознания того времени, монголисты эту первую работу проф. Haenisch обошли молчанием и специальных рецензий на нее не дали. В настоящее время обстановка сильно изменилась: сомнения, бывшие тогда у монголистов насчет многих явлений монгольских языков, окончательно рассеяны, и из периода первых исканий мы теперь вступили в период уверенной разработки ряда крупнейших вопросов, разрешив некоторые из них уже вполне удовлетворительно. Поэтому многое, на что тогда, восемь лет тому назад, можно было смотреть

не слишком строго, теперь заслуживает уже иного отношения. Смысл сказанного тот, что новая работа проф. Haenisch совершенно неудовлетворительна: истекшие годы плодотворной работы монголистов в области монгольского языкознания автору этой работы ничего не дали.

Чтобы не быть голословным, необходимо привести ряд примеров, которые покажут, как мало автор использовал богатую литературу последнего периода, как мало он вынес из нее и на сколь низком уровне остановились его сведения о живой монгольской речи.

Не имея никакого знакомства с фонологической системой халхаского языка, автор, естественно, дает совершенно неудовлетворительные записи. Автор путает все время долгие и краткие гласные фонемы и совершенно не различает гласных фонем заднего и переднего рядов (u, ü, o, ö). Так, автор пишет dsün «восток», omᠠᠨᠦ «юг», iᠰ или naᠰ «сюда», tiᠰ или tsaᠰ «туда» и т. д., которым в правильной транскрипции соответствуют: dsūᠮ, «восток» ömᠠᠨᠦ «юг», iᠰᠢ или nāᠰᠢ (∞ nāᠰᠢ) «сюда», tiᠰᠢ или tsāᠰᠢ (∞ tsāᠰᠢ) «туда» и т. д. (все на стр. 64).

Мы не преувеличиваем, утверждая, что буквально все записи от начала до конца неправильны. Чтобы показать истинность такого утверждения, приведем целиком 15 первых строк записей на стр. 65 с указанием того, какой вид они должны были бы иметь. При этом мы, естественно, сохраняем транскрипцию автора без каких бы то ни было изменений и сами будем пользоваться этой же транскрипцией, заключая свои исправления в скобки.

Вчера было воскресенье — ötsögödör nyāma ḡarḡā baisān (ötsögödör nimā ḡarḡā baisām).

Сегодня жарко — enüdr halūn bainā (önödör halūᠮ bainā).

Завтра мое рождение — margāᠰ minī tursun ödür (margāᠰ minī törsön ödör).

Позавчера был новый год — urdži-(ö)dür šinē džil (tsaḡān sarā) baiᠰān [urdži ödör šinē džil (traḡāᠮ sarā) baiᠰām].

Послезавтра у нас нет школьных занятий — nögödör bidē surḡöl ugwā [nögödör bidē surḡülᠢ ügeᠢ].

Прошлый месяц — önggörsön sarā [önggörsön sarā]

У нас два дня свободных — bidē hoir ödür čilötai [bidē hoyir ödör čölöteᠢ].

Праздновать новый год — bair hiḡe, baiᠷlāhā, yosulohö hiḡe [bayir hiḡe, bayir lāhā, yosölöl hiḡe].

Который час? — hedeng tsagē boldži baina [hedᠡᠨ tsag boldži bainā].

Шесть часов — dsurḡān tsagē boldži baina [dsurḡāᠨ tsag boldži bainā].

Половина седьмого — dsurḡān tsagē haḡās [dsurḡāᠨ tsag haḡās].

Четверть седьмого — dsurḡān tsagē arban tabun minut [dsurḡāᠨ tsag arbāᠮ tabāᠮ minüt].

Три четверти седьмого — dsurḡān tsagē düčin tabun minut [dsurḡāᠨ tsag döčin tabāᠮ minüt].

Ровно семь часов — yaḡē dolön tsag [yaḡ dolön tsag].

Как видно, на всем протяжении первых пятнадцати строк одной страницы нет ни одной фразы, до конца правильно записанной.

Проф. Haenisch пользуется знаками долготы и краткости, но совершенно невпопад: так, например, на стр. 76 (строка 53) мы находим слово lāma «лама» [вместо lamā]; на стр. 75 (строка 24) džalḡān «немного» [вместо džālḡāᠨ]; на стр. 75 (строка 10) Hobtös «из Кобдо» [вместо Hobdös]; на стр. 65 dolön «семь» [вместо dolön] и т. д. До чего доходят искажения халха-монгольских форм в записях проф. Haenisch, видно хотя бы из того, что «вилка» передается как sāḡā

вместо šogō (стр. 73); «седло» — emēl (там же) вместо emēl; «итти иноходью» — d̄zorilohā (стр. 74) вместо d̄zorōlōhō; «учреждение» — hariyā (стр. 74) вместо horiyā (что является письменномонгольской формой вместо халх. hogō «комитет»); «счастливы ли путешествуете?» — sain ūdžēnō (стр. 75) вместо сайн уабэдži байнū и т. д.

Помимо этих недостатков, необходимо отметить чрезвычайно непоследовательный характер самой транскрипции: так, автор передает африкат ц знаками ts, а ч — знаком č (почему не tš? или почему не с, если č?). Слабый африкат з передается знаками ds, а соответствующий шипящий знаками dž (почему не dš? или почему не dz, если dž?).

Статья производит удручающее впечатление и даже в качестве ученической работы начинающего вузовца заслужила бы неудовлетворительную оценку.

Н. Понте.

Сводный указатель к двадцати историческим библиографиям. И взнь чжи эр ши чжун цзун хэ инь дэ. Combined Indices to twenty historical Bibliographies. Бейпин, 1933 г., 4 т., 92; 143 + 133; 300 + 42; 395 стр.

Среди серии синологических индексов, изданных за последнее время Яньцзинским университетом (Harvard—Yenching Institute), весьма важное место занимает указатель к библиографическим отделам китайских династийных историй и дополнений к ним, вышедший в 1933 г. под редакцией 洪業 Хун Е (William Hung) и других лиц, имена которых уже известны по изданию индекса к Сы ку цюань цзун му и Сы ку вэй шу му ти яо, появившегося в 1932 г.

Известно, что китайцы издавна придавали большое значение библиографированию своей обширной литературы,

и что общее количество библиографических работ, составлявшихся ими на протяжении многовекового периода времени, начиная с конца I в. до н. э., когда появилась 七略 Ци люэ, наиболее равняя из известных нам библиографий, достигает очень значительного числа. Однако, пользование этими работами, имеющими столь важное значение при изучении истории китайской литературы, весьма затруднительно, вследствие отсутствия указателей к старым библиографиям,¹ при составлении которых применялась исключительно система размещений сочинений по их содержанию. Понятно, как трудно разыскать нужное сочинение, не зная его содержания, в таком, например, каталоге, как Сы ку цюань шу цзун му, разбитом на 44 отдела и состоящем из 200 цзюаней. Помимо того, что системы классификации, привятые в китайских библиографиях, сами по себе нечетки, непродуманы и неоднородны, нередки случаи, когда названия сочинений ошибочно помещаются в отделы, не соответствующие их содержанию, примеры чего приведены в данном указателе (т. I, 27—28).

Отыскивание нужного названия сочинения осложняется также специфическими свойствами, присущими китайским литературным произведениям, в частности наличием двух, а иногда и более названий, обозначающих одну и ту же вещь,² вследствие чего случается, что некоторые книги значатся в каталоге дважды под двумя разными названиями.

¹ Исключая составленный 陳乃乾 Чэнь Най дянем сравнительно недавно (в 1926 г.), указатель авторов к Сы ку цюань шу цзун му и 四庫總目韻編 Сы ку цзун му юнь бянь, о котором см. в предисловии (стр. VIII—IX) индекса к тому же Сы ку цюань шу цзун му, изданного Яньцзинским университетом.

² Общеизвестные примеры этого: Чжоу ли — Чжоу гуань ли — Чжоу гуань; Шу цзин — Шан шу — Шу; Ле цзы — Чун ской чжи дэ цзин; Чжуан цзы — Нань хуа чжэнь цзин и т. д.